

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Ганс Шойфлер

ТАНКОВЫЕ АСЫ ВЕРМАХТА

**ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРОВ
35-ГО ТАНКОВОГО ПОЛКА**

1939—1945

За линией фронта. Мемуары

Ганс Шойфлер

**Танковые асы вермахта.
Воспоминания офицеров 35-
го танкового полка. 1939–1945**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62

Шойфлер Г.

Танковые асы вермахта. Воспоминания офицеров 35-го танкового полка. 1939–1945 / Г. Шойфлер — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5173-5

35-й танковый полк 4-й немецкой дивизии – самая известная танковая часть вермахта, отмеченная многими наградами. Его солдаты и офицеры принимали участие в кровопролитных боях, которые вел Третий рейх, захватывая страны Европы. Они воевали в Польше, во Франции, а затем на территории Советского Союза, закончив свой путь на развалинах гитлеровской «Великой Германии» в мае 1945 г. Воспоминания ветеранов 35-го полка дают возможность окунуться в атмосферу боев и фронтового быта, увидеть войну с позиций солдатской «окопной правды» и с высоты понимания происходящего командирами полка и дивизии. Книга иллюстрирована картами, в приложении представлен полный перечень боев и операций, в которых действовал 35-й полк.

УДК 94(4)"1939/1945"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-5173-5

© Шойфлер Г.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	6
Общее представление о кампании	6
1 сентября – первый день войны	6
Боевое крещение полка	6
Наступление на Варшаву	7
Битва на уничтожение на Бзуре	11
Подбитые в Варшаве	13
Глава 2	17
От Мааса до Изёра	17
Тревога	17
Форсирование Мааса	17
Танковое сражение в Анню	18
Позиция Диль	19
В лесу Мормаль	20
На канале Эр-Ла-Басе	21
Ночная атака на Армантьер	22
На Сомме	23
Внезапный удар по мостам через Сену в Ромийи-сюр-Сен	25
В долине Роны	30
Перемирие	30
Жамблу	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ганс Шойфлер

Танковые асы вермахта. Воспоминания офицеров 35-го танкового полка 1939–1945

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Hans Shaufler

Der weg war weit. Panzer zwischen weichsel und Wolga

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2015

Глава 1

Польская кампания

Общее представление о кампании

Воспоминания командира полка, подполковника Эбербаха

Начиная с середины августа 1939 года мы знали, что скоро что-то произойдет. Война с Польшей уже маячила на горизонте. Мы все чувствовали, что нам следует делать то, что должно, но такого энтузиазма, как в 1914 году, не было.

Утром 26 августа 1939 года мы выдвинулись к польской границе, к востоку от города Розенберга (ныне Олесно) в Силезии и подготовились к наступлению. Но приказа не поступило. Вечером мы вернулись к местам расквартирования. Все молчали, в надежде на то, что в конце концов войны каким-то образом удастся избежать.

Полк состоял из шести рот. В большинстве из них танки имели на вооружении только пулеметы (танки Pz I). Кроме того, у нас было несколько танков Pz II с 20-мм автоматической пушкой и Pz III с 37-мм пушкой в качестве основного вооружения. В 4-й и 8-й ротах имелись также 4 танка Pz IV с короткой (24 калибра) 75-мм пушкой. Укомплектованность офицерским и унтер-офицерским составом, несмотря на пополнения, даже близко не достигала штатной численности.

1 сентября – первый день войны

С первыми лучами солнца мы снова стояли на границе. Наша артиллерия открыла огонь в 4:45. Загорелось несколько домов. Наш стрелковый полк двинулся вперед. В 6:30 наш полк также получил приказ наступать. Двигаясь через Опатув – Вилковицко-Мокра-III, мы поддерживали наступление наших войск на Острова-Кочин. Это примерно 40 километров.

XVI армейский корпус в составе 1-й танковой дивизии, нашей 4-й танковой дивизии, 14-й пехотной дивизии и 31-й пехотной дивизии предполагалось использовать в качестве своего рода сокрушающего тарана посередине армии Рейхенау.

Боевое крещение полка

Продвижение вперед шло медленно. Дороги были забиты транспортом; мост через реку Лисварта был взорван. Нам пришлось форсировать ее вброд. Мы взяли наших мотоциклистов на заднюю броню танков. К счастью, ни одна машина не увязла. Мы вышли к Опатуву через Кшепице под пулеметным и артиллерийским огнем, отвечали из своих танков и достигли Вилковицко. Прямо перед нами находились деревни Мокра – названные каждая соответственно I, II и III, – а за ними – непроходимый (для танков) лес. 2-й батальон атаковал и уничтожил польскую батарею; он прорвался через деревни и вышел на позиции в 400 метрах от леса. Из леса била артиллерия, противотанковые орудия и пулеметы. Никого из врагов видно не было. Пули польских противотанковых ружей пробивали броню наших легких танков. Капитан Буц и лейтенант Лор были убиты; обер-лейтенант Снабович ранен.

Когда командир полка приказал 1-му батальону совершить обход справа и прочесать местность, командир батальона, подполковник Штенглейн, был тяжело ранен. Оперативное командование батальоном принял на себя капитан фон Лаухерт. Мы достигли опушки леса и постепенно зачистили ее. Наша артиллерия обеспечила поддержку. Слева от нас 36-й танковый

полк также понес потери в ходе наступления. Полковник Брайт передислоцировал свой полк в Вилковицко и переформировал его. Пехота медленно продвигалась вперед к Мокре. Никаких приказов из дивизии не поступало, потому что там, в тылу, царил неразбериха. Командиру нашей дивизии со своим штабом приходилось силой возвращать деморализованных механиков-водителей боевых машин и колонны подвижных тыловых частей и подразделений обратно на фронт. Таким образом, наш полк оказался предоставлен сам себе у опушки леса. Стоило ли рисковать и продвигаться дальше?

В конце дня командир легкого взвода 2-го батальона, фельдфебель Габриель, посланный на разведку, вернулся и доложил: «В лесу и в деревне за ним неприятеля нет». 2-й батальон и полковой штаб немедленно двинулись вперед и пошли через лес. Они двигались, выслав вперед дозоры, и заняли круговую оборону. В то время 1-й батальон оставался в районе вокруг Мокры.

В итоге в этот первый трудный день войны наш полк все же добился успеха благодаря настойчивости, натиску и агрессивности. Первая линия обороны поляков оказалась прорвана. Командир дивизии отметил слаженные действия полка.

Цена, заплаченная за первый день войны, была высока: 15 убитых, среди них 2 офицера; 14 раненых, в том числе 3 офицера, и 14 танков. Нам противостояло польское элитное соединение: 1-я Волынская бригада.

Наступление на Варшаву

2 сентября 1939 года 12-й пехотный полк, отлично поддержанный нашими 4-й и 8-й танковыми ротами, с тяжелыми боями вышел к деревне Козинки. 3 сентября воля к сопротивлению части противостоящих нам польских подразделений была сломлена. 7-й разведывательный моторизованный батальон захватил переправы через реку Варта практически без боя и продвинулся на 4 километра к окраине города Радомско. Наш сосед слева, 1-я танковая дивизия, взяла Каменьск.

3 и 4 сентября наш полк с трудом продвигался вперед по плохим дорогам. Разведывательный батальон и 12-й пехотный полк переправились через Видавку и находились в 20 километрах к югу от Каменьска. Лишь 5 сентября наш полк снова смог двинуться вперед. Наступление имело целью захват Гомулина, расположенного восточнее города Пётркув-Трыбунальский. Но лишь 6-й роте пришлось столкнуться с сильным врагом – артиллерией и противотанковыми пушками польской армии. Рота отбросила их назад в лес.

6 сентября полк взял Бендкув и Рудник; 7 сентября снова оказался в авангарде дивизии и в ожесточенном бою выбил врага из города Уязд. К 9:00 мы вышли к Любохне, и вечером полк через городок Рава-Мазовецка отошел в район, назначенный для отдыха войск.

В тот день дивизия продвинулась на 40 километров в глубь территории противника. Полк с удовольствием прокатился бы и дальше, поскольку на окраине деревни стоял дорожный знак: «Варшава – 115 километров». Мы впервые ощутили магнетическую притягательность, содержащуюся в названии этого крупного города, которым было чрезвычайно важно овладеть.

Приказ по дивизии заканчивался словами: «На Варшаву». Времени на сон оставалось очень мало.

С первыми лучами солнца 8 сентября полк занял место в авангарде дивизии. Пройдя 10 километров, он вступил в бой с польской пехотой, поддерживаемой артиллерией. Вскоре враг был разбит. Непрерывно ведя огонь по отдельным очагам сопротивления, полк подошел к Радзеёвице. Наступление продолжилось на Волица-Ситанец с целью овладения переправами через реку Утрату. Польские солдаты сдавались тысячами. После выхода к реке полк подошел к Рашину. Неприятель взорвал два моста впереди справа от нас. Но нам удалось переправиться вброд. Саперная рота починила мосты. Командующий генерал выдвинулся в расположение 1-

го батальона, где выслушал краткий доклад капитана фон Лаухерта, с ног до головы забрызганного грязью и в одном кителе и бриджах.

Командир полка порекомендовал генералу Гёпнеру и командиру дивизии заставить врага врасплох и, не ожидая подхода других частей дивизии, продолжить движение на Варшаву. Польское правительство объявило ее «открытым городом». Разрешение было дано. Как раз в тот момент авиация доставила и планы улиц Варшавы. Все танкисты горели желанием стать первыми солдатами вермахта, которые войдут во вражескую столицу. 2-му батальону было приказано наступать через площадь Пилсудского и пересечь Вислу в направлении района Прага (на правом, восточном, берегу Вислы). 1-й батальон должен был оставаться в центре города. Напоследок Гёпнер сказал: «Эбербах... если вы вступите в переговоры с польскими властями, сохраняйте твердость!»

Наш полк построился и в 17:00 выступил в походном порядке и вскоре вошел в неприглядные пригороды Варшавы. Раздалось несколько очередей. Ряды домов внезапно уступили место пустырям, и городская застройка появилась снова только после населенного пункта Раковец. Танки прошли по автодорожному мосту. Настоящие окраины города начались вслед за ним еще метров через четыреста, где-то незастроенные, где-то занятые пригородными огородами. Дорогу к границе города перегораживала баррикада, состоявшая из перевернутых трамвайных вагонов и грузовиков для перевозки мебели. Из-за нее, а также из четырехэтажных жилых домов, вентиляционных отверстий крыш, окон и отверстий цокольных этажей по нашим танкам вели огонь из всех видов оружия. Один из немногих Pz IV получил прямое попадание. Позднее его отремонтировали.

Солнце стало садиться. Сумерки легли на дорогу перед нами. Командир полка видел, как поляки держат свое слово о Варшаве как об «открытом городе» и что сильно укрепленную столицу внезапным ударом не взять. Он прекратил наступление и отвел свои силы за мост. К тому моменту подтянулся весь авангард дивизии, и полк оказался прикрыт со всех сторон.

Ночь прошла тихо. Мы заправляли машины топливом, набивали патронами пулеметные ленты и получали продовольственные пайки. Тем временем подтянулись все части и подразделения нашей дивизии. Командир дивизии приказал получившему подкрепления 35-му танковому полку 9 сентября повторить наступление с его теперешних позиций. Также получивший подкрепления 36-й танковый полк стоял немного западнее.

В 7:00 наш 1-й батальон во второй раз пошел в наступление на Варшаву. Атаку поддерживал батальон моторизованной пехоты и саперная рота. Предварительно артиллерия провела огневую подготовку по пригородам. Наши танки снова переехали по автодорожному мосту, в сопровождении моторизованной пехоты. Первое препятствие вместе с саперами преодолели. Свою столицу поляки обороняли отважно и ожесточенно.

Несмотря на это, был взят второй мост. Пехотинцам приходилось штурмовать каждый дом и зачищать его от противника. Треск пулеметных очередей, разрывы ручных гранат, бросаемых из подвальных и слуховых окон, каменные глыбы, сбрасываемые с крыш, – все это существенно затрудняло продвижение пехоты. Танкисты решили продолжить наступление самостоятельно, своими силами. Командир 1-й роты, лейтенант Класс, продолжил атаку по главной улице. Его машину подбили из хитроумно замаскированной пушки. Несмотря на это, танк Классу не остановился. Однако следующее попадание снаряда подожгло его. Классу и его радисту удалось выбраться. Но оба они скончались от ран.

Машину полкового адъютанта остановила та же пушка. Обер-лейтенант Гудериан¹ выскочил и через ворота усадьбы забежал в сад. Там он увидел танк лейтенанта Диргардта. Вместе с танком и взводом стрелков они медленно продвигались вперед.

¹ Имеется в виду сын генерал-полковника вермахта Гейнца Гудериана, Гейнц Гюнтер. Во время войны он занимал и более ответственные посты. 5 октября 1944 г. удостоен Рыцарского креста, будучи офицером по оперативным вопросам при штабе

Другие танки пытались наступать через усадьбы и сады. Например, лейтенанту Эссеру и двум взводам удалось дойти до железнодорожной линии, где обороняющиеся поляки вывели из строя радиостанцию. Фельдфебель Циглер принял командование оставшимися машинами и дошел до самого вокзала Варшавы. Оказавшись без всякой поддержки в самом центре города, он в конце концов вынужден был отступить. Лейтенант Ланге пробился вплоть до позиций неприятельской артиллерии и открыл огонь по пушкам из всего, что имелось в распоряжении его людей. Отважные поляки кидали ему под гусеницы самодельные взрывные заряды. Один из катков танка оторвало. Башня больше не поворачивалась. Ему тоже пришлось отступить.

Около 9:00 командир полка поднял 2-й батальон, первоначально находившийся в резерве, и при поддержке батальона моторизованной пехоты бросил его на участок шириной в километр к северу от дороги, поскольку там вражеская оборона казалась хуже организованной. Сначала батальон быстро продвигался вперед. Старые укрепления Варшавы оказались преодолены.

Мы вышли к парку. Там следовавшая за танками колонна пехоты подверглась обстрелу противника, поливавшего ее огнем пулеметов и винтовок с высоты слева. После того как наши пехотинцы спешили, по ним начала бить артиллерия. Несколько машин загорелось. Неприятельская противотанковая оборона остановила атаку наших машин. Командир 8-й роты оберлейтенант Моргенрот был смертельно ранен. Из двух взводов, вошедших в парк, вернулось только три танка.

По дивизии приказали: «Отойти на исходные позиции!» Количество танков, вышедших из боя и оставшихся боеготовыми, было поразительно мало. Но в течение дня их число возросло до 91, из которых лишь 57 оставались полностью боеготовыми, включая единственный Pz IV. Экипажи, чьи машины были подбиты, также вернулись. Среди них находился и лейтенант Райбих, которому пришлось прорываться назад через оборонительные позиции поляков.

Несмотря на все это, моральный дух танкистов оставался непоколебимым. Каждый хотел совершить нечто великое. В конечном итоге дивизия прошла 400 километров за 8 дней, разбила противника во всех боях и первой вошла в польскую столицу, оставив далеко в тылу основные силы польской действующей армии.

Только гораздо позже нам стало известно, что Варшаву защищало 100 тысяч польских солдат. Деморализующее воздействие на противника авангарда нашего полка, наступавшего, в свою очередь, в авангарде 4-й танковой дивизии, не следует переоценивать.

В течение ночи большое количество подбитых танков полка, включая несколько наскокивших на мины, были отремонтированы экипажами, во многих случаях прямо перед польскими позициями.

Основные силы польской армии, отступавшей из западной части Польши, попытались выйти к Варшаве южнее Вислы. Наша дивизия – усиленная полком «Лейбштандарт», 33-м пехотным полком и другими артиллерийскими и саперными частями – получила приказ удерживать позиции у Варшавы. Цель состояла в том, чтобы блокировать отступающие с запада к Варшаве польские войска. К востоку от нас располагалась только 1-я танковая дивизия. Вместе с ней мы были предоставлены сами себе, находясь примерно в 100 километрах в глубине неприятельской территории в отрыве от других германских соединений.

9 сентября для полка планировался заслуженный перерыв на отдых после непрерывных боев и тяжелых потерь, чтобы получить возможность прийти в себя и произвести ремонт и техническое обслуживание машин. Но сделать этого не позволила сложившаяся обстановка.

К вечеру 10 сентября полк снова участвовал в боях, на этот раз к юго-западу от Варшавы, для того чтобы прикрыть позицию по линии Оседле – Горце – Близне от наступающих польских сил. Успеха удалось достичь ценой потерь.

116-й танковой дивизии. В послевоенном бундесвере был командиром дивизии. (Примеч. ред.)

11 сентября прошло относительно спокойно. 12 сентября капитан Шнелль и тыловые подразделения первого эшелона подбили семь польских бронемашин.

13 сентября полк снялся и перешел на позиции на фабрично-заводском предприятии в Стржикулах, где продолжал наступать вместе с «Лейбштандартом».

В 14:30 наш полк перешел в наступление на запад в направлении города Блоне. Два батальона двигались вровень, с одним батальоном «Лейбштандарта», следующим за нашими машинами. Населенный пункт Капуты был взят, и в плен попали тысячи польских солдат. Мы захватили их позиции противотанковых орудий и артиллерии вместе с огромным количеством боеприпасов. Цель атаки была достигнута в темноте. Это был значительный успех. Батальоны расквартировались на ночь в промышленном районе Лешно и Биалутки.

14 сентября прибывшая тем временем в наш сектор 31-я пехотная дивизия заняла позиции полка, который теперь отошел в район Крунице, чтобы отремонтировать танки.

В полдень 15 сентября полк получил приказ на следующий день, 16 сентября, наступать, форсировав реку Бзура, вместе с «Лейбштандартом» и 12-м стрелковым полком, чтобы нанести удар по тылам мощных неприятельских подразделений, сосредоточенных вокруг Кутно. В то же время остальная часть дивизии должна была обеспечивать прикрытие с севера вдоль Бзуры.

Полк выступил в поход утром 16 сентября, в 5:00. Саперы начали возводить мосты. Танки спустились по крутым склонам, переправились через Бзуру и построились для атаки. Предполагалось начать наступление в 7:00, но потребовалось много времени, прежде чем все подразделения полка переправились через реку.

В 11:00 батальоны наконец выступили. Шел дождь. Планировалось, что 1-й батальон должен пройти через Бибямполь и выйти на шоссе Млодзешин – Рушки. 2-й батальон наступал из южной части Зуйковска, имея такую же задачу. Неприятель понес тяжелые потери в Бибямполе от рук 1-го батальона. Батальон захватил две единицы артиллерии и в 12:30 оседлал шоссе, где вступил в бой с отступающими неприятельскими колоннами. 2-й батальон вел ожесточенные бои с силами врага в Адамове и понес тяжелые потери. 6-я рота была практически уничтожена польскими противотанковыми орудиями, скрытно расположенными среди небольших участков леса. лейтенант Дибисх был убит; лейтенант фон Кёссель тяжело ранен. Несмотря на все это, 2-й батальон достиг цели наступления в 14:00.

Части 1-й танковой дивизии, которые должны были присоединиться к нашему полку в Рушках, не прибыли. Поляки обрушили невообразимо сильный артиллерийский огонь на полк с трех сторон. Наши танки были здесь как на блюде, но не смогли оставить пехоту, оказавшуюся впереди в тяжелом положении, поскольку поляки атаковали наших пехотинцев волна за волной. Радиосвязь с дивизией была потеряна. Издалека явственно слышался звук пулеметных очередей и свист минометного огня. Понесся потери, 1-й батальон вынужден был отступить в Рушки. У танков почти не осталось боеприпасов. Запрошенная нами артиллерийская поддержка не была оказана. Массы противника продолжали наступать на Рушки, несмотря на чрезвычайно тяжелые потери, нанесенные нашим огнем. Медленно расстилался туман.

Около 17:00 одна из наших радиостанций приняла приказ об отступлении. Пехота оторвалась от противника, отступив под прикрытием наших танков. Затем мы также медленно начали отступление. Польская пехота вела по нас огонь в Юлиополе. Ее не могли обнаружить в кромешной ночной темноте. Это был настоящий «ведьмин котел». Когда мы остановились для технического обслуживания наших машин, люди погрузились в глубокий сон прямо на своих местах, независимо от того, чем занимались, потому что очень устали.

2-му батальону пришлось отражать атаки польской пехоты на протяжении всей ночи. 1-му батальону и полковым штабам наконец удалось отойти на исходный рубеж наступления.

17 сентября 2-я и 4-я роты успешно сражались вместе с «Лейбштандартом» в Мистевице и Юлиополе. 4-я рота захватила польскую батарею тяжелых зенитных орудий, а также два лег-

ких зенитных орудия и несколько минометов. Вечером полк маршем вышел в район около дворца Терезин. Боевой состав сократился до 60 танков. Еще раз было сказано, что полк планировалось отправить на отдых и предоставить возможность для технического обслуживания машин. Вопреки ожиданиям, 18 сентября действительно было тихо.

Битва на уничтожение на Бзуре

В полночь полк подняли по тревоге. Предполагалось в 4:00 выйти к промышленному району Вулька-Александровский. А в 2:00 танки вышли в кромешную темноту ночи. Несмотря на это, полк прибыл туда вовремя. Тыловые части доложили, что подвоза припасов к линии фронта нет.

Командир прибыл на командный пункт дивизии в промышленном районе Тутовице. Здесь он узнал от командира дивизии следующее: после тяжелых боев в Рушках противник сосредоточил свои силы на рубеже между Бзурой и Вислой в попытке стремительного прорыва в направлении Варшавы. 18 сентября основной части дивизии удалось пройти вдоль восточного берега Бзуры вплоть до ее впадения в Вислу. Местность в этом районе была покрыта небольшими участками леса и кустарника.

Прежде чем части 4-й танковой дивизии смогли развернуться, чтобы занять оборонительную позицию, поляки начали наступление через Бзуру. Все без исключения части дивизии оказались втянутыми в тяжелейшие оборонительные бои, которые велись со всех сторон. Наш братский 36-й полк разделил общую участь и держал отчаянную круговую оборону на местности, где не было секторов обстрела. Один из командиров батальонов 36-го танкового полка был убит. Боеприпасов почти не оставалось. Отсутствовало объединенное командование, взаимодействие и контроль. Каждое подразделение оказалось втянутым в ближний бой. Потери были очень высоки. Неприятель и наши части сблизилась настолько, что артиллерия больше не могла оказать прямую поддержку. Она вела огонь прямой наводкой по неприятелю, появлявшемуся перед нашими орудиями. Всю ночь враг, не считаясь с потерями, продолжал свои отчаянные атаки, пытаясь осуществить прорыв. Постоянные атаки предпринимались даже на командный пункт дивизии. Генерал-лейтенанту Рейнхардту пришлось взять в руки винтовку, ствол которой вскоре раскалился от стрельбы. Подразделения нашего противотанкового батальона неприятель смял и уничтожил.

Полк получил приказ наступать с двумя приданными ему батальонами из состава «Лейбштандарта» и прорваться к окруженным подразделениям немецких войск. Генерал Рейнхардт пожал руку командира полка и сказал буквально следующее: «Эбербах, от вашего полка зависит судьба 4-й танковой дивизии».

И кто не отдал бы все, чтобы помочь товарищам в отчаянной ситуации! В 8:00 наш уменьшившийся полк начал наступление, батальоны шли вровень. У Хиларова наши танки столкнулись с большими силами неприятеля, вооруженного всеми видами оружия, в том числе противотанковыми орудиями. В ожесточенном бою враг был уничтожен.

К 9:00 наши боевые машины пробились к нашему братскому полку, танки которого остались практически без топлива и боеприпасов. Танкисты и пехотинцы с ликованием приветствовали нас, и казалось, что они пробудились от ночного кошмара. Затем наш полк вышел к Висле, по-прежнему преодолевая тяжелое сопротивление. Была уничтожена неприятельская батарея, а затем 1-й батальон двинулся на запад к Бзуре вплоть до Вышгорода. 2-й батальон продолжил наступление немного вдоль Вислы до Сладова, где прикрыл восточный фланг. Это сломило сопротивление противника. 1-я рота лейтенанта Ланге взяла 3 тысячи пленных. Этнические немцы, которых собирались насильственно репатриировать, и немецкие военнопленные были освобождены. С некоторыми из них ужасно обращались.

Среди расположения польских войск, сосредоточившихся у берега Бзуры, царил хаос: вооружение, машины всех видов, мертвые лошади и все виды боеприпасов. Все это было результатом работы нашей артиллерии и люфтваффе. Обозы нескольких дивизий, рассредоточившиеся во все стороны, были уничтожены.

На протяжении дня 4 тысячи пленных и вагоны, полные раненых, были доставлены на сборные пункты в сопровождении наших танков.

В приказе по дивизии говорилось следующее: «Битва у Бзуры закончена. Это была решающая победа над мощными силами польской общевойсковой армии. В этой битве 4-я танковая дивизия сражалась на важнейших участках. Мы сомкнули кольцо вокруг неприятеля и отразили последние атаки врага. Наша дивизия выполнила трудную задачу. Ей удалось одержать победу, взяв в плен более 20 тысяч пленных и обильные военные трофеи. 4-я танковая дивизия может с гордостью оглянуться назад на свои подвиги»².

Так завершилась для нашего полка кампания в Польше. Потери, понесенные 35-м танковым полком: 64 убитых, 58 раненых, 45 танков (полностью утрачены).

² Всего на Бзуре, по немецким данным, было взято в плен 170 тыс. польских солдат и офицеров. Однако некоторые польские соединения во главе с командующим армией «Познань» генералом Кутшебой к Варшаве пробились. (*Примеч. ред.*)

Подбитые в Варшаве

Из дневников Ганса Шойфлера

В течение пяти дней после того, как обер-лейтенанта Ритцманна ранили под Мокрой-П, я был начальником связи танковой бригады.

Мы готовились ко второму наступлению на Варшаву по дороге, идущей из Равы-Мазовецкой в столицу и в варшавский пригород Охота. Танк за танком плотной колонной стояли друг за другом. Двигавшиеся за нами пехота и саперы ждали сигнала к наступлению.

Было непривычно тихо. Ни одной автоматной очереди; не строчили пулеметы. Артиллерия с обеих сторон молчала. Лишь иногда чистое небо бороздил разведывательный самолет.

Я сидел в командирском танке рядом с генералом фон Гартлибом. Бригадный адъютант, капитан фон Харлинг, расстелил карту обстановки на моих согнутых коленях; места в машине было мало.

Оба радиста сидели за своими станциями. Один из них слушал эфир, чтобы принять кодовое слово для начала наступления; у другого рука лежала на ключе, чтобы немедленно передать приказ. Двигатель молчал, нога механика-водителя уже готова была нажать на педаль газа.

Затем внезапно раздался грохот. Сначала слева, затем справа, а потом где-то позади нас. Залп за залпом взрывали и сотрясали воздух. Засвистели снаряды и шрапнель; послышались крики первых раненых. Польская артиллерия посылала нам первые железные приветствия.

Затем раздалось кодовое слово, послужившее приказом к наступлению. Оно пробежало по нашим рядам подобно разряду молнии. Взревели, ожив, мощные танковые моторы. Началось большое сражение за польскую столицу восьмого дня войны.

Мы подошли к первым домам Варшавы. Вокруг строчили пулеметы, глухо рвались ручные гранаты, артиллерийские разрывы осыпали камнями нашу броню. В командную машину поступало одно сообщение за другим.

– Дорога прямо перед нами... блокирована! – докладывал 35-й танковый полк.

– Пять танков подбиты, перед нами противотанковое минное заграждение!

– Приказываю полку повернуть на юг! – закричал генерал.

Да, приходилось кричать для того, чтобы тебя расслышали в этом шуме.

– Сообщение отправлено! – закричал я в ответ.

Сообщение в дивизию: «Подошли к пригородам Варшавы... минные и дорожные заграждения... мы сворачиваем на юг!» – диктовал адъютант.

– Заграждения преодолены! – докладывал полк. Все это происходило в течение пяти минут.

Затем неожиданно перед нами взлетели в воздух булыжники. Это начался обстрел справа, а затем слева. Меня отбросило назад.

– Неприятельская батарея в 300 метрах перед нами! – крикнул генерал. Он сидел в башне и наблюдал. – Поворот направо!

Гусеницы загрели по булыжникам; мы пошли по открытой местности.

– Быстрее, ежай быстрее, – заорал генерал, – поскольку мы отличная цель для поляков.

– Наступление застопорилось! – доложили из 35-го танкового полка.

Генерал ответил:

– Запросите полк, где ему нужна поддержка артиллерии.

Камни и шрапнель били по стальной броне танка. Артиллерийские разрывы совсем рядом. Затем последовал взрыв, который заставил наши головы врезаться в приборы. Машина подскочила, и ее отбросило в сторону. Желтые языки пламени. Полетело все – противогазы, рюкзаки, столовые принадлежности. Прямое попадание снаряда!

Несколько секунд прошло в тревожном ожидании, затем короткий обмен взглядами и быстрое ощупывание руками всего тела. Все цело. Водитель переключился на третью передачу. Мы напряженно посмотрели друг на друга. Танк двигался. К нашему великому счастью. Несмотря на подозрительный стук с поврежденной левой стороны, казалось, что на сей раз все обошлось хорошо.

Снаружи словно разверзся ад. Гремело со всех сторон – слева и справа. Снаряды с глухим грохотом били по броне. Ручные гранаты и бутылки с зажигательной смесью летели на нас из окон цокольных этажей. Мы столкнулись с силами значительно превосходящего нас численно противника. Мы ощутили это.

Наш путь перекрывали перевернутые трамваи, проволочные заграждения, торчащие из земли согнутые рельсы и противотанковые орудия. Нам приходилось брать все южнее и южнее – только не идти вперед! Идти вперед означало верную смерть.

Грохот и скрежет гусениц нашего танка становился все громче и подозрительнее. В последнюю минуту мы увидели фруктовый сад, где остановились под деревом.

Хотя подразделения (35-го танкового полка) дошли до центрального вокзала, продолжали поступать донесения о численно превосходящем нас неприятеле и о том, что наступление захлебнулось.

- Танки гибнут на минах и от огня противотанковых орудий!
- Срочно требуется артиллерия!

Снова грохот разорвал воздух. Артиллерийские снаряды один за другим стали рваться вокруг. Это нас обнаружили поляки. Мы не могли двинуться ни вперед, ни назад. Сначала нам следовало попытаться исправить повреждения, но на это у нас не было времени, поскольку полки испытывали сильнейшее давление. Генерал диктовал приказ за приказом, сообщение за сообщением. Наконец в бою наступило затишье. Но едва мы открыли люки, как по броне зацокали пули. Где-то неподалеку нас подкарауливали противники со стрелковым оружием. Мы ничего не видели, поскольку стояли среди ветвей деревьев, стараясь быть незаметнее.

Передний броневой лист был вогнут; амортизатор разорван; весь металл искорежен; шасси и гусеница повреждены. Мы оторвали все, что осталось от листов металла и амортизатора, освободив гусеницу. Затем поставили два новых трака. Если нам повезет, то сможем протянуть так несколько километров. Мы вновь скрылись в чреве танка.

Мы узнали, что дивизия не может получить поддержку с воздуха. Наша артиллерия была слишком слаба, чтобы сковать своим огнем действия сильного противника. Поэтому по дивизии отдали приказ: «Вернуться на исходный рубеж!»

Подразделение за подразделением планомерно мы отступили, оторвавшись от неприятеля, и вышли из боя. Но не везде это проходило так просто. В одном месте для отступления потребовалось применить огневое прикрытие, в другом задействовать огонь артиллерии. Для нас в командной машине в это время было так много работы, что мы забыли, что и сами в трудном положении. Только когда последние арьергардные подразделения отошли, наша задача была выполнена. В этот момент попытались отойти и мы. Нам предстояло еще раз пройти через ад, через который прорвались лишь по счастливой случайности. Мы выбрали тот же маршрут – ведь он был нам уже известен!

На этот раз было приметно тихо – подозрительно тихо. Тишина действовала на наши нервы особенно после оглушительного шума. Мы чувствовали – неприятель по-прежнему тут, рядом – он лишь ожидает удобной возможности. Мы проходили то место, где ранее в нас попал артиллерийский снаряд. Еще один поворот налево, и перед нами длинная прямая дорога. Там все еще имелись дорожные заграждения; нам следовало держать ухо востро. Затем мы выйдем на финишную прямую. Мы уже тайно потирали руки от ликования. Затем раздался удар по броне в задней части. Еще один, и еще, и еще. Один за другим. Из противотанкового орудия. Двигатель тем не менее работал хорошо. Затем раздался пронзительный удар, оглушающий

скрежет. Танк сделал резкий разворот влево и остановился. Подбиты в последнюю минуту! Теперь главное – быстро выбраться из машины. Следующий выстрел наверняка будет прямым попаданием. Но снаружи черт ногу сломит. Казалось, одним движением я схватил пистолет-пулемет и, выскочив из танка, бросился на землю.

Что произошло потом? Густой дым повалил из-под кормы танка. Мы подумали, что горит мотор. Но свист заставил нас насторожиться. Мы поняли, что снаряд противотанкового орудия поджег дымовые шашки. Легкий ветерок гнал дым к заграждению на дороге. То есть нам не стоило волноваться до той поры, пока дым скрывал нас и делал невидимыми для глаз неприятеля. В любом случае поляки наверняка подумали, что с нами покончено.

– Сообщение в дивизию, – начал генерал. Но ни одна рация больше не функционировала. Антенна была сбита. Шасси разрушено. Гусеница лежала, завиваясь, как гигантский металлический браслет от наручных часов. Прямое попадание искорежило корму танка.

С тяжелым сердцем мы решили оставить наш танк. Отремонтировать его здесь не было ни малейшей возможности. Мы сняли пулемет и радиооборудование и прихватили секретные документы. Время от времени нам приходилось бросаться на землю, потому что артиллерийские снаряды ложились слишком близко. Мы не относили это на свой счет, но списывали на желание уничтожить танк. Мы замаскировали его ветвями деревьев. Возможно, позднее у нас появится возможность поставить его в строй. Прикрывая друг друга огнем, мы двинулись назад от дома к дому и от сада к саду. Все вернулись к своим целыми и невредимыми.

Спать мы завалились с налитыми тяжестью как свинец телами и мозгами, в которых постоянно прокручивался богатый событиями день. Вновь и вновь мы вскакивали, пробуждаясь ото сна, и лишь постепенно осознали, что наш В-01 подбит и брошен перед польским блокпостом с настежь открытыми люками. Перед глазами предстала плачевная картина. Когда я наконец широко открыл глаза и уставился в сентябрьскую ночь, мой механик-водитель растолкал меня и спросил хриплым голосом:

– Ты идешь?

Мне не требовалось спрашивать куда. Я знал, что он имел в виду.

– Я уже раздобыл эвакуационно-ремонтную машину, – сказал он, когда я встал.

В ту ночь нам удалось отбуксировать наш В-01. К моменту, когда поляки открыли огонь, было слишком поздно. Танк уже был привязан к буксирующему танку и скрыт за ним. Нам даже удалось поставить гусеницу. И хотя стальной корпус танка был местами разворочен, мы не позволили неприятелю воспользоваться его беспомощностью.

6 октября состоялся военный парад частей, захвативших Варшаву. 4-ю танковую дивизию пригласить забыли. Но 30 подбитых, а иногда сожженных танков нашего полка, растянувшихся от пригородов до центрального вокзала, напоминали участникам парада о том, кто именно первым с кровопролитными боями вошел во вражескую столицу 8 и 9 сентября.

В середине октября дивизия вернулась в свои мирные гарнизоны. Все в Бамберге с ликованием приветствовали нас, когда наши танки шли по городу, направляясь в места расположения.

28 ноября дивизия была перебросена в район вокруг Люденшайда.

То, как сердечно встречали наших танкистов, объясняет, почему многие из них осели тут после войны.

Ночами с 25 по 28 января 1940 года дивизию подняли по тревоге и перебросили в район городов Дюрен – Бергхайм. 6 февраля по дивизии объявили о 6-часовой готовности к выступлению по приказу. Отпуска отменили, а затем предоставили снова.

Наш уважаемый командир дивизии, генерал-лейтенант Рейнхардт, получивший Рыцарский крест за стремительный бросок своих частей и подразделений, покинул нас. Ему поручили командовать моторизованным корпусом. 5-я танковая бригада, которой в ходе кампании

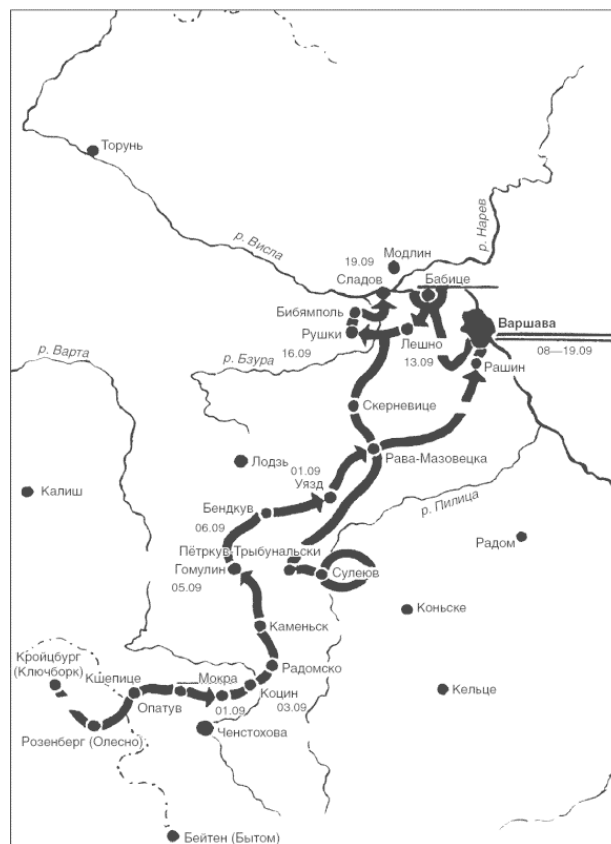
в Польше командовал генерал-лейтенант фон Гартлиб, перешла под командование полковника Брайта, бывшего командира нашего братского полка.

К началу марта 3-я рота получила новое назначение и стала частью танкового батальона, сформированного для боев в Норвегии. В составе полка сформировали новую 3-ю роту.

В это время 1-й батальон полка по-прежнему насчитывал 80 танков, из них 50 – Pz II, 22 – Pz III, 16 танков Pz IV и 4 командирских танка.

Лишь 38 танков Pz III и Pz IV были сравнимы по мощи с французскими и английскими аналогами. Враг, с которым нам предстояло столкнуться, значительно превосходил нас как количественно, так и качественно, в отличие от ситуации в Польше. Мы не могли всего этого не учитывать, но нас это не шокировало.

Пришла весна. Миновала Пасха. На Троицу «невидящее око» вышестоящего начальства открылось чуть шире, и отпуск предоставили не только десяти процентам военнослужащих, как предусматривалось графиком. Каждого дома ждала жена или «невеста».

Польская кампания, сентябрь 1939 г.

Глава 2 Кампания на Западе

От Мааса до Изёра

Воспоминания командира полка, подполковника Эбербаха

Тревога

Несмотря на давнее ожидание, тревога, прозвучавшая 17:00 9 мая 1940 года, стала для нас неожиданностью. Прощай, отпуск на Троицу! Некоторые офицеры и солдаты уже успели уехать. Но, едва услышав новости, не ожидая соответствующих приказов, немедленно вернулись и поспешили в полк. Никто даже не подумал слова сказать о намерении продолжить отпуск.

Недавно сформированная 3-я рота была не обучена. Для нее не был составлен список офицерского и унтер-офицерского резерва. Соответственно, ощущался недостаток личного состава. Но развертывание по тревоге проходило как по часам.

В назначенное время мы развернулись на окраине Ахена, несмотря на ночь и движение без огней. К сожалению, обер-лейтенант Депамде получил тяжелую травму во время движения другого подразделения. В 6:00 дивизия тремя колоннами пересекла границу. Наш полк шел в левой колонне. Целью был Маастрихт. Во что бы то ни стало необходимо было сделать все, чтобы в целости захватить мосты через реку Маас и помочь нашим, высадившимся на планерах у канала Альберт товарищам, иначе они могли попасть в трудную ситуацию.

Форсирование Мааса

Нас встретил пулеметный огонь из дота в Мамелисе. Голландцы организовали оборону. Трех очередей из пулеметов Pz IV 8-й роты оказалось достаточно, чтобы оборонявшиеся вышли с поднятыми руками. Мы немедленно продолжили движение. Препятствие за препятствием; иногда нас встречал огонь. Отвечая на него, мы шли вперед. Вдоль реки Гёл заняли позиции большие неприятельские силы с противотанковыми орудиями, подступы были заминированы. Продвижение замедлилось на полчаса. Затем 1-й батальон отступил и пошел влево, и мы двинулись вперед через высоту Гулпен в направлении Маргратена. Полковые штабы вышли вперед. Все шли на максимальной скорости. Мы пробились к Маастрихту с юга. В форте Эбен-Эмаэль было тихо – новость, которая помогла успокоиться³. Но затем до нас донеслось три глухих взрыва – голландцы взорвали мосты через Маас. Таким образом, нам, несмотря на все усилия, все же не удалось ими овладеть.

В 8:30 основные силы дивизии подошли к разрушенным мостам. Впереди всех находились дозоры Фессманна из 7-го моторизованного разведывательного батальона и зенитного батальона полка особого назначения «Бранденбург». Но и им не удалось помешать подрыву мостов. Мы немедленно обеспечили им огневое прикрытие, чтобы они могли форсировать

³ 10 мая 1940 г. впервые в военной истории воздушный десант (85 человек), высаженный на грузовых планерах прямо на форт Эбен-Эмаэль, имевший гарнизон 1200 человек, сумел овладеть этим сильнейшим укреплением бельгийской оборонительной системы, заставив его защитников сдаться в полдень 11 мая. Германские десантники удержали мосты через канал Альберт до подхода сухопутных сил. (*Примеч. ред.*)

реку на плотках. К полудню контакт на канале Альберт с «потерявшимися» был установлен. Мосты на канале были целы.

В течение ночи саперы навели понтонный мост, и утром мы по нему прошли. На мосту Вренховен через канал Альберт нас встретили снаряды артиллерии и бомбы. Мы миновали мост и выстроились как часть бригады для атаки. Лейтенант фон Гердтель был ранен. Отлично работавшая зенитка поразила два вражеских самолета, которые загорелись. Пара одетых в камуфляж мотоциклистов взяла в плен роту бельгийцев.

За это время подтянулась и пехота. В 10:15 танковая бригада пошла в наступление. Полк продвинулся вплоть до Оверрепена, в 3 километрах северо-западнее Тонгерена. 2-й батальон взял Лооз, находящийся на полпути до Синт-Трёйдена, и едва не прошел весь путь. Было взято несколько тысяч пленных.

Неприятельские противотанковые орудия совершенно не вели огонь. В 16:00 полк выступил в направлении Рамкина (Ремикур?) в 10 километрах к юго-западу от Тонгерена и взял этот важный транспортный узел, отрезав таким образом неприятелю пути отступления из Льежа на северо-запад. В это время 8-я рота вела тяжелые бои у городка Оре. Танк Pz IV командира роты был подожжен снарядом пушки французского броневедомоля⁴; однако экипаж уцелел. Было взято много пленных, в том числе среди прочих целая рота голландцев.

На следующий день полк уже в 5:30 двигался по шоссе Варем – Грас – Олонь в направлении магистрали Ланс – Сен-Реми. Бельгийские солдаты выходили из зданий, изумленные тем, что немцы уже здесь. В 7:00 мы вышли на шоссе Ланс – Сен-Реми. Авангарды сталкивались с неприятельскими колоннами, пытавшимися отойти из Льежа. Гражданские и военные смешались в одну кучу. При их сопротивлении мы отстреливались. Были захвачены сотни пленных и без охраны отправлены в тыл.

Все это напоминало происходившее в Польше, но только мы не рассчитывали на подобное на Западе.

Танковое сражение в Анню

2-й батальон был направлен в Анню, чтобы взять важный транспортный узел. В Виллер-ле-Пёпльер батальон уничтожил приближающуюся с юга колонну неприятеля и взял много пленных. При наступлении на Авеннс лейтенант Раушенбах был ранен в юго-западном предместье, когда его танк был подбит противотанковым орудием. Среди взятых там пленных были первые французы. Постепенно вырисовывалась картина больших неприятельских сил к югу от Анню.

2-й батальон вступил в бой примерно с 15 вражескими танками к северу и северо-западу от Анню. Одиннадцать из них были подбиты. В этой схватке отличился обер-лейтенант Мальгут. Но пять наших танков также были подбиты. Пять человек у нас были убиты, одиннадцать ранено. Французские танки оказались хорошо бронированными. Неприятельская артиллерия весь день обстреливала Анню и шоссе Ланс – Сен-Реми. Но день еще не закончился. Вечером был сформирован авангардный батальон Эбербаха, состоявший из 1-го батальона полка, пехоты, артиллерии и саперов. Он начал наступление в направлении Перве. Едва подойдя к Тисне, он столкнулся с большими силами неприятеля. Деревня была хорошо укреплена, и ее обороняли танки, пулеметы, противотанковые пушки и много другой артиллерии. 4-я рота медленно продвигалась вперед; наконец 1-й батальон обошел врага с правого фланга. В деревне на улицах лежало много убитых бельгийцев. Горело три французских танка.

⁴ Видимо, броневедомоля Schneider P16 AMC-29, имевшего 37-мм пушку. Хотя и броневедомоля Panhard P178 AMD-35, имевший 25-мм пушку, при удачном попадании также мог поразить Pz IV ранних модификаций. (Примеч. ред.)

Машину обер-лейтенанта Беккера подбили; спастись удалось лишь механику-водителю. Сам Беккер и его радист погибли. Мы вышли на западную окраину Тисне, но сильный оборонительный огонь по-прежнему продолжал вестись из соседней деревни Вансен. Вражеский артиллерийский огонь не ослабевал. Наступление темноты сделало дальнейшее наступление невозможным. На помощь танкам бросили пехоту; в это время командирский танк получил прямое попадание из орудия неприятельского танка. Обер-лейтенант Рахфалль был ранен. Вражеские танки исчезли в северном направлении, преследуемые нашим огнем. А там они натолкнулись на нашу 3-ю роту, не сразу понявшую, что это вражеские танки. Один из них был подбит из танкового орудия, еще один – ручной гранатой. Третий – ушел.

Поддержанные подошедшей пехотой, наши танки вернулись на исходные рубежи наступления.

13 мая наступление возобновилось силами всей танковой бригады. Мы не выступали до 12:45. Нас обстреливали из Мердорпа. В бинокли мы видели, что это были французские танки. В результате мы открыли ответный огонь.

Никакого эффекта. Едва мы стали обходить Мердорп, неприятельские танки выдвинулись из деревни и атаковали следующую за нами пехоту. 1-й батальон тем временем ударил им во фланг и подбил восемь танков. Но затем неприятельские танки стали бить по нас с холма с водонапорной башней южнее Жандрена. Когда мы, несмотря на огонь, подошли к холму, по нас открыли огонь с окружающей возвышенности из Жандренуа и Жандрена. Это был настоящий «ведьмин котел». Ко всему прочему, наши боеприпасы стали подходить к концу. Легкий взвод был послан назад, чтобы привезти боеприпасы. Были убитые и раненые. Положение складывалось не слишком приятное. Неприятель был практически невидим. Мы не сдавались. Из всех тяжелых машин велся огонь по ближайшим целям с запада. 3-я рота заняла и очистила Жандрен.

Огонь с юга ослаб, как только вперед выдвинулся 36-й танковый полк. Французские танки «Сомуа» застряли на узком лесном дефиле; экипажи сдались. Вместе с разведывательным взводом отличная 3-я рота зачистила Жандрен, взяла в плен 400 человек и захватила 5 противотанковых орудий и 5 танков. Наконец подвезли боеприпасы. Мы продолжили наступление в направлении Рамильи – Оффу. Восемь попавшихся нам по пути подбитых французских танков свидетельствовали о том, что стреляем мы не так плохо.

Позиция Диль

В течение ночи мы заняли оборону. Но сон продолжался недолго. Рано утром на следующий день мы были готовы преодолевать противотанковые заграждения у городка Первез, а затем выйти к позиции Диль.

Мы быстро шли вперед вплоть до противотанковых заграждений. Они состояли из протянувшихся на километр тяжелых железных прутьев. Не раздалось ни единого выстрела. Наши саперы расчистили дорогу. Мы прошли. С другой стороны одна за одной следовали линии окопов. Их защитники сбежали. Оружие они по большей части побросали. Но далее, еще левее, в лесу на возвышенности, неприятельские танки перекрыли огнем всякое дальнейшее наступление. 36-му танковому полку пришлось особенно трудно. Наконец 1-му батальону 35-го танкового полка удалось совершить фланговый обход справа и выйти к Мальпрув. Тем временем саперный взвод вступил в бой с вражескими танками. Обер-лейтенант Краузе выкатил трофейное противотанковое орудие на позицию, заготовив также связки гранат. Когда танки приблизились, четыре из них были подбиты этим противотанковым орудием.

Обер-лейтенант Краузе подбил пятый танк, бросив связку гранат под гусеницу.

Все это произошло до полудня. В результате было принято решение прорывать позицию Диль к северу от Жамблу. Обойдя Бодесе и Ратенту, мы двинулись на неприятельские

позиции. Но без поддержки нашей артиллерии наступление захлебывалось в настоящем огненном шквале, обрушенном на нас французскими полевыми и противотанковыми орудиями. Поэтому командир бригады приказал полкам сосредоточиться по обе стороны от Бодесе и быть готовыми к дальнейшему наступлению оттуда. Но даже там французская артиллерия затрудняла нам жизнь. Несколько машин были подбиты, отдельные танкисты ранены. Было решено, что мы начнем новую атаку вечером. Но поскольку этап подготовки и сосредоточения не удалось завершить до 21:00, начало наступления отложили до следующего утра. На протяжении трех предшествующих дней полк уничтожил или захватил 53 французских танка. Танковый бой – это рыцарская война. Французы оказались разбиты, поскольку их танки действовали в одиночку или небольшими группами, и их машины реагировали на изменение ситуации недостаточно быстро. Бронирование у французских танков было лучше, чем у нас. Признания пленных свидетельствовали о том, что нам противостояла 1-я марокканская дивизия вместе с подразделениями моторизованного кавалерийского корпуса.

15 мая мы вновь атаковали неприятельские позиции после короткой артиллерийской и авиационной подготовки. Наша пехота, о которой нельзя сказать ничего, кроме хорошего, наступала смело и энергично. Мы планировали ворваться на неприятельские позиции вместе с ней. Но условный сигнал был дан слишком рано. Неприятель имел значительное превосходство над нами в артиллерии. Он устроил огневой вал не виданной даже ветеранами Первой мировой войны мощи. Танки шли вперед. Командирская машина получила прямое попадание и оказалась выведена из строя. 1-й батальон продолжил движение, пересек широкую дорогу и подошел к дорожной насыпи. И застрял там, не в силах пройти дальше. Насыпь представляла собой серьезное препятствие. Проходы через нее были заминированы, а поперек линии атаки шли глубокие дефиле. Противотанковый огонь оказался сосредоточен по фронту и флангам наступления 1-го батальона. Более всего пострадала 4-я рота. Все танки Pz IV получили прямые попадания. Лейтенант Хаген был убит. Почти весь легкий взвод бригады погиб. Командир бригады, как всегда шедший впереди, получил ранение. Так же как и полковой адъютант.

Когда поступил приказ отойти, отступление прошло спокойно и организованно. Подбитые машины отбуксировали и вечером отремонтировали. Полк закрепился на старых позициях. Всего в этом бою полк потерял 6 человек убитыми и 18 ранеными.

Наступление должно было возобновиться на следующий день. Однако из-за нашего отказа выполнить этот приказ он был отменен. У нас оставалось всего 65 боеспособных танков.

Следующий день прошел спокойно. В полдень мы получили новый приказ: поскольку французы оставили позиции у реки Диль, нам необходимо их преследовать. Но вечером выдвинулся вперед лишь авангард, которому придали батальон 36-го танкового полка. Только на следующий день вперед пошли основные силы, минуя позицию Диль и все, что бросила разбитая вражеская армия. Мы дошли до Франле-Госли, оставляя позади подбитые французские боевые машины. Обер-лейтенант Беренс, командир 4-й роты, погиб здесь в аварии. Полк задержался в городе Фран-ле-Госли еще на день.

В лесу Мормаль

Наступление возобновилось только 19 мая. XVI моторизованный корпус получил приказ выдвинуться на юго-запад в составе танковой группы, осуществлявшей прорыв. Мы шли маршем всю ночь. Пройдя 80 километров, утром 20 мая мы вышли к Дампьер-сюр-Эльп, в непосредственной близости от Авен-сюр-Эльп (в 50 км юго-западнее Шарлеруа). Полку приказали быть готовым к бою в 8:00. Но день был спокойный. Вечером мы прошли через Ландреси в сторону Бузи, где мы должны были прикрывать правый фланг подразделений, наступающих на Камбре. Нам следовало ориентироваться в направлении леса Мормаль.

Утром 21 мая нас подняли по тревоге. Неприятель атаковал из леса в южном и восточном направлении и пытался прорваться. 2-й батальон пошел на северо-запад с задачей выйти к шоссе Вандежи-о-Буа – Солем (двигаясь через Бодиньи) и очистить район от противника. В районе Капелло он подвергся обстрелу артиллерии и противотанковых орудий. Один танк Pz III получил серьезные повреждения, но неприятельские батареи были захвачены и противотанковые орудия уничтожены.

В 9:30 остальные подразделения полка перешли в наступление, но долго не встречали неприятеля. Унтер-офицеру Шульцу и двум кандидатам в офицеры полка удалось захватить в плен 150 марокканцев. Унтер-офицер Тёдлер из полковой штабной роты наткнулся на 50 чернокожих французов на своем мотоцикле. Он приказал им сдаваться – и они сдались!

Полк сосредоточился в Пуа-дю-Нор и первоначально оставался там. Посреди ночи объявили тревогу.

В 4:00 мы выступили и прошли через Солем – Камбре – Маркьон и сначала Эрвиллер, а затем Дуаньи. Оттуда мы на следующий день прошли в Эрвиллер, к югу от Арраса. Полк расквартировался тут в полночь. Вечером следующего дня мы вышли к Тенку в 10 километрах восточнее Сен-Поля. 25 и 26 мая полк расположился в местечке к северу от него. Число боеготовых танков возросло до 110. Все благодаря славной ремонтной роте!

На канале Эр-Ла-Басе

27 мая полк вышел к Бетюну. Пехота захватила там небольшой плацдарм на другой стороне канала и удерживала его, несмотря на тяжелые потери, которые наносила неприятельская артиллерия и английские солдаты, занимавшие хорошие позиции. Местность плохо подходила для применения танковых войск – повсюду бесчисленные каналы и кустарники. Плацдарм к тому же был слишком узок для использования танковой бригадой. К полудню полк получил приказ форсировать канал по понтонному мосту и подготовиться к наступлению на Нёв-Шапель из района сосредоточения в Эсаре. Поскольку мосты к тому времени оказались повреждены, 2-й батальон не был готов к наступлению вплоть до 17:00. В то же время 1-й батальон все еще переправлялся. Хотя 5-ю роту отделили от батальона, она хорошо продвигалась вперед. Заграждения были преодолены. Две противотанковые пушки подожгли танк обер-лейтенанта Вольшлегера. Все члены экипажа получили ранения, после чего гаупт-фельдфебель Ярауш, а затем фельдфебель Бон уничтожили два вражеских противотанковых орудия прямыми попаданиями до того, как они успели снова открыть огонь. Вскоре после этого они также подожгли два английских танка.

Выходившая из Фестубера неприятельская колонна врезалась прямо в середину легкого взвода полка. Она была уничтожена. Но когда взвод продолжил движение в направлении Фестубера, его начали обстреливать из противотанковых орудий, и он оказался в трудном положении. Танк полкового адъютанта, следовавший с подразделениями 2-й роты, получил прямое попадание. Вместе со своим механиком-водителем адъютант был ранен. Унтер-офицер Закс, на своем танке вошедший в деревню с фланга, уничтожил там неприятельский танк и обернул ход боя в пользу немцев.

Тем временем 2-й батальон вышел на магистраль Ла-Басе – Эстер. По мере передвижения он оставлял за собой машины в топких каналах. Его положение оказалось далеко не простым, когда из Ла-Басе на него вышли неприятельские танки и колонны. Разгромлено оказалось все и вся, чему и кому не удалось скрыться. 5-я рота вернулась в батальон. 1-й батальон, приданный в поддержку пехоте, вновь собрался воедино.

Ночная атака на Армантьер

Основываясь на рекомендациях полка, весь полк вместе с приданным им разведывательным батальоном дивизии в 21:30 начал преследование противника, образовав авангард дивизии. Выйдя в ночь, он получил задание оседлать шоссе Лилль – Армантьер и закрыть тем самым неприятелю дверь к отходу на юго-запад.

Уже в Обере по нас открыли огонь вражеские противотанковые орудия и английский танк. Они были уничтожены. Марш продолжился. Мы подверглись сильному обстрелу из Фромеля. В вечерних сумерках французский танк был незаметен на въезде в деревню. Он был уничтожен. Второй, следовавший за ним, постигла та же участь. Противотанковое орудие справа от дороги тоже заставило убедиться в меткости немецких танкистов. Но в этой деревне, казалось, было спрятано еще многое. И после вызова передового наблюдателя наша артиллерия открыла по деревне огонь. Снаряды легли как нельзя лучше. Спротивление противника было сломлено, и мы проехали по горящей деревне. На перекрестке остался брошенный броневомобиль наряду с третьим французским «Сомуа». За ним стояли горящие грузовики и штабные машины.

К тому времени наступила кромешная темнота. Мы продолжили движение. Французские машины встраивались в наши колонны, их водители не подозревали, с кем едут. Мы позволяли им следовать вместе с нами, не задерживая вплоть до следующей остановки. Они изумлялись происходящему. По обеим сторонам дороги валялось много брошенных машин, орудийных лафетов и пушек. Была полночь, когда мы проехали Бутийери. В Туке мы натолкнулись на неприятельскую колонну с артиллерией, пытавшуюся прорваться на север. Разгорелся бой. Противник оборонялся и стрелял из орудий прямой наводкой. Дома охватило пламя. Разрывы ложились слева, справа и позади нас – разрывы французских снарядов. Мы находились в глубине неприятельской территории. На перекрестке перед нами, казалось, стояли значительные силы врага, которые собирались отступить. Боеприпасы у нас подходили к концу. Поэтому было принято решение: продолжить атаку с первыми лучами солнца; запросить подтянуть артиллерию; доставить боеприпасы.

Машины с боеприпасами прибыли. Артиллерийская поддержка предоставлена не была. В дивизии заявили, что не могут начать наступление раньше следующего дня.

Несмотря на все это, на следующее утро мы продолжили наступление под проливным дождем. В 6:45 вышли на шоссе Лилль – Армантьер. Из Армантьера подошли колонны грузовиков противника, набитые пехотой. Они приняли нас за англичан и были счастливы, что мы наконец здесь. Мы продолжили помогать им. Когда мы стали забирать у них оружие, они подумали, что это уже слишком. Но когда мы сказали им, кто мы, они были разочарованы. Затем они сотнями сдавались в плен. Там было приблизительно 2 тысячи человек. Около 12:00 подошли основные силы дивизии. Обер-лейтенант Бергер получил Железный крест 1-го класса из рук генерала Гёпнера.

В середине дня 29 мая мы отошли на 5 километров в тыл. Нам решили дать отдохнуть в течение нескольких дней.

Численность боеготовых танков благодаря несравненной работе ремонтной роты и секций технического обслуживания и ремонта возросла до 130.

Общие потери полка составили 25 убитых и 77 раненых. То есть всего за три недели была потеряна четверть боевого состава части.

На Сомме

Полк получил четырехдневный отдых, чтобы привести в порядок боевые машины и дать отважным солдатам возможность выспаться. Затем полк двинулся в длинный марш на юг через Дуэ и Камбре. Разумеется, это был еще один ночной марш, со всеми предлагающимися перипетиями и переправами по сооруженным временным мостам. Лишь в полдень следующего дня мы вышли в наш новый район расквартирования к северу от городка Перон. Здесь нас ждало еще два дня тишины.

5 июня мы в темноте вышли в наш район сосредоточения. Оттуда мы около 7:00 прошли через Перон и затем в 10:50 начали наступление из района Асвийе.

Приданная нам пехотная дивизия следовала за нами в нескольких километрах слева. Французы оказывали отчаянное сопротивление. Все застроенные территории были превращены в укрепленные пункты. Неприятель пропускал танки, а затем отрезал их.

Сразу после построения мы подверглись обстрелу из пулеметов и противотанковых орудий из Беллуа и Берни, а также Эстре. Мы отвечали, но не позволяли себе задерживаться. Вместо этого мы пробивались через зоны застройки. Французская артиллерия накрыла сектор нашего наступления. Когда мы вышли к Абленкуру, противотанковый огонь из перелесков достиг большой интенсивности. Шедший впереди 1-й батальон вступил в тяжелый бой. 6 танков получили серьезные повреждения; некоторые зияли большими пробоинами, 4 танка загорелись, как факелы. Это зрелище не способствовало поднятию боевого духа.

Обер-лейтенант Циглер был убит в ходе смелой атаки. Обер-лейтенанту Пфистеру и обер-лейтенанту Вагнеру пришлось спасаться из своих подбитых машин. Лейтенант медицинской службы доктор Шульц-Меркель, поправлявшийся после ранения, был ранен в голову. Несмотря на это, он продолжал работу, пока всем раненым не была оказана помощь. Но наши танки не сдавались. Вместе с подразделениями 2-го батальона они в конце концов уничтожили 5 противотанковых орудий и захватили артиллерийскую батарею. Также было взято множество пленных.

В это время основные силы полка оставили деревню и вместе с 36-м танковым полком вышли на северную окраину Омьекура. После этого огонь вражеских противотанковых орудий из перелесков снова обрушился на наши фланги. Несколько машин получили очень серьезные повреждения; одна загорелась. Запрошенная артиллерия не могла помочь, поскольку расстояние было слишком велико. Изменить позицию на фронтальную было невозможно, поскольку деревня все еще находилась в руках французов.

Наконец одной нашей батарее удалось оторвать огонь по перелескам.

Из бригады нам приказали временно отложить наступление, поскольку без поддержки артиллерии оно казалось невозможным против столь сильного противника. Легкий взвод 1-го батальона, получивший приказ обойти противника, на южной окраине Омьекура столкнулся с противотанковыми орудиями и артиллерией, бившими прямой наводкой.

2-й батальон, по-прежнему находившийся под обстрелом из района Абленкура, развернулся и бросил в атаку свои танки. Они захватили еще одну батарею противотанковых орудий и взяли в плен 100 человек.

Было жарко, очень жарко. Всех нас мучила жажда. В 1-м батальоне осталось всего несколько снарядов к танковым пушкам. Хотя пехота и артиллерия не могли продвинуться вперед из-за неприятельского огня, наши подвозчики боеприпасов, автомобильные полевые кухни и саперные взводы действовали выше всяких похвал. Их успех поднял наш боевой дух.

Лейтенант Кёстнер со взводом отправился на запад, чтобы установить контакт с 3-й танковой дивизией. По пути туда он был тяжело ранен в обе ноги осколками пробившего броню танка противотанкового снаряда. Несмотря на это, он продолжил выполнение задания и доло-

жил, что передовые подразделения 3-й танковой дивизии, неся значительные потери, вышли к Франсару.

В это время неприятельский артиллерийский огонь усилился. Слева и справа били батареи 75-мм полевых орудий, а также противотанковых пушек. 2-й батальон находился в особенно неудобной позиции. Французская авиация начала обстреливать его с бреющего полета и сбрасывать на него бомбы. В 19:00 командир бригады приказал продолжить наступление. Это решение далось с большим трудом. Но это действительно был единственный реальный способ уйти из-под тяжелого артиллерийского обстрела. И, словно в подтверждение этого, противотанковые орудия и артиллерия открыли огонь по нашим флангам из Омьекура. После ответного огня танков 2-го батальона стало тихо. Когда доктор Бальдауф достиг района деревни, двигаясь в арьергарде полка на своей бронированной медицинской машине⁵, он получил осколочное ранение в голову в результате попадания снаряда противотанкового орудия, и его доставили в тыл с тяжелым черепно-мозговым ранением.

Как выяснилось позднее, в Абленкур-Пресуаре находилось 1200 французов; в Омьеуре целый артиллерийский дивизион, много противотанковых орудий и 1000 солдат. На следующий день они сдались без малейшего сопротивления.

Длинной тонкой колонной, извивающейся между деревнями словно змея, танковая бригада двигалась на юг. Неприятель стрелял из каждого населенного пункта до тех пор, пока мы не поджигали его артиллерийским огнем и не выбивали противника с его позиций.

Наконец в 22:00 мы вышли в район Эталона. 36-й танковый полк взял на себя задачу по прикрытию. 35-й танковый полк выполнял задачу по взятию деревень Фонш и Фоншет на магистрали из Перона в Руа. Идущий в авангарде 2-й батальон подвергся артиллерийскому обстрелу из этих деревень. 3 машины были подбиты; несколько человек ранены. Но танки Pz IV в соответствующее время спокойно отремонтировали. Несколько фермерских дворов горели.

Ночью 2-я рота очистила Фонш в пешем строю, взяв автоматы и ручные гранаты, несмотря на то что люди провели без отдыха 24 часа. Благодаря смелости и решительности фельдфебеля Валовски 50 французских солдат были взяты в плен, когда их выволокли из дома, перед которым как раз стоял и отдавал приказания командир батальона!

В тот вечер полковник Герман Брайт, командир нашей бригады, получил Рыцарский крест. Все мы искренне радовались за него. Он всегда был на передовой. Мы воспринимали награду как признание заслуг всей бригады.

Утро началось с обстрела, ведшегося, казалось, из всех строений в деревне Фонш. Потребовалась атака 2-й роты при поддержке 1-й роты 12-го стрелкового полка и батареи зенитных орудий для того, чтобы дом за домом сломить сопротивление. Неприятельские подразделения, входившие в состав 25-го горнострелкового полка, оборонялись храбро. Они вели огонь из подвалов и с деревьев. Несмотря на неоднократные предложения сдаться, они отказались сложить оружие.

В это время 2-й батальон в соответствии с приказом атаковал Льянкур. Наши танки наступали на населенный пункт с фланга и вскоре вошли в его центр. Неприятель открыл огонь из каждого дома только после того, как это произошло. Этот застроенный район напоминал крепость. Открыло огонь даже противотанковое орудие. Лейтенант Ризе был смертельно ранен, когда изучал обстановку из своей башни. Несмотря на все это, деревню удалось взять, притом и то к тому моменту 14 танков «Сомуа» атаковали 8-ю роту с тыла. Несколько средних Pz IV танков роты не смогли удержать деревню в этом неравном бою. В результате 2-й батальон отступил и отошел на 300 метров от Льянкура, понеся сравнительно небольшие потери. Прибывшая позже батарея 88-мм зениток смогла подбить 4 танка противника. Саперному взводу

⁵ Очевидно, полугусеничный бронетранспортер Sd.Kfz.251. (Примеч. пер.)

Краузе из захваченного противотанкового орудия удалось подбить два других находившихся в деревне танка.

К этому моменту прибыла моторизованная пехота. Она получила приказ взять Льянкур после мощной артиллерийской подготовки. Танковая бригада не двигалась с места, пока деревня Льянкур не оказалась окончательно в наших руках. Пехотинцы не могли взять деревню до 18:00. 6-я танковая рота пришла им на помощь. Когда в 18:30 полк пошел вперед, его наступление развивалось успешно и стремительно вплоть до Руаглиза. Только на подходе к этой деревне полк обстреляли противотанковые орудия и артиллерия. В деревне было множество заграждений, которые прикрывались огнем из зданий.

Под прикрытием огня 1-го батальона вперед вышли саперные подразделения полка и устранили все заграждения. В деревню вошла пехота и зачистила дома. Отступающие (неприятельские) колонны обстреливались нашей артиллерией. 5-я рота, пошедшая в обход деревни, уничтожила артиллерийское орудие. Но затем она только в 20:30 достигла Верпийера. 1-й батальон и полковой штаб остались там; 2-й батальон продолжил наступление вплоть до шоссе Руа – Лакур. Там он столкнулся с неприятелем и захватил пленных. И снова только в полночь полк смог наконец отдохнуть.

7 июня планировался день отдыха. Но в 14:00 пехотная бригада пошла в наступление, и танки были направлены в качестве поддержки, когда пехота подошла к возвышенности в 6 километрах от рубежа атаки. Начиная отсюда местность не подходила для действий танков. Но неприятель оказался слишком силен, чтобы справиться с ним силами одной пехоты. Его батареи били отовсюду. В бой вступила французская авиация, бомбардируя наши войска. И тогда наша пехота вызвала танки. В 18:15 полк был готов к атаке. В 18:45 поступил приказ противоположного содержания: «Пока не атаковать!»

В это время лейтенант фон Гердтель на трофейном французском броневом автомобиле выехал вперед на передовые позиции пехоты. Он увидел множество противотанковых орудий противника, занимавших выгодные позиции, и его автомобиль получил несколько попаданий. Гердтелю с экипажем удалось выбраться. Но неприятельский огонь был настолько силен, что они не могли вернуться в батальон до тех пор, пока свою защитную завесу не опустила ночь.

В ту ночь экипажи спали в наскоро вырытых ими окопах.

8 июня в 7:00 поступил приказ наступать. Было определено, что танковая бригада с 35-м танковым полком во главе взламывает неприятельские позиции в сопровождении пехоты. Никто не питал иллюзий, что наступление будет легким. Но приказ есть приказ! Было приняты все подготовительные меры для того, чтобы наступление увенчалось успехом. Когда командир полка отправился в дивизию для согласования действий с командиром дивизионной артиллерии, поступил приказ по общевойсковой армии: «Наступление отменяется... отвести танковую бригаду назад». Предполагалось отвести дивизию с передовой и задействовать в другом месте. Полк, соответственно, отходил на несколько километров. Ко всеобщей радости, прибыл маршевый эшелон с 70 единицами пополнения.

В ту ночь был пройден один из всеми любимых маршрутов в район, располагавшийся южнее Сен-Кантена. Полку предоставили отдых на 36 часов.

Внезапный удар по мостам через Сену в Ромийи-сюр-Сен

На следующий день мы выдвинулись через Ла-Фер к Марне у Мон-Сен-Пер. Марш совершался с пехотной дивизией. Мы шли вперед со скоростью пешехода. Дождь лил как из ведра. Земля у дальнего конца моста превратилась в грязевое болото глубиной по колено, из которого каждую машину приходилось тянуть либо танком, либо трактором-тягачом. Бригада хотела, чтобы полк шел в авангарде. Но это было невозможно из-за движения транспорта по дорогам. Лишь в ранние утренние часы 13 июня полк наконец пересек реку и с первыми лучами солнца

двинулся на юг. Топливозаправщики застряли в тылу, но нам помогли бойцы других частей. Мы проехали через Монмирай. Там в то время был выдвинут вперед наш братский полк.

В 12:00 полк сам выдвинулся для атаки. За ним следовала пехота. Первой целью наступления был Сезан. Сначала мы продвигались быстро, но затем вражеские полевые и противотанковые орудия затормозили нас. Наша артиллерия, корректируемая офицером связи, открыла огонь по неприятелю. Первые пленные с высоко поднятыми руками проследовали мимо нас в тыл. 2-й батальон, идущий сзади второй волной, захватил 5 неприятельских противотанковых орудий. У Лез-Эсаф с нами вступили в бой вражеские танки. Они обеспечивали прикрытие отступающей колонны неприятеля. Два танка противника удалось подбить, и их бросили; пяти удалось беспрепятственно отступить. Неприятельскую пехоту либо уничтожили, либо обратили в бегство.

Небольшая остановка потребовалась, чтобы реорганизовать подразделения. Подошел артиллерийский дивизион Лауката и зенитная батарея. В 18:00 мы продолжили движение на Сезан.

Неприятель молчал. В то время, когда 2-й батальон пошел в обход городка, полковой штаб вошел прямо в него. На южной окраине рядом с вокзалом стояло 3 вражеских танка. Нам нечего было им противопоставить кроме 20-мм орудий наших танков, не пробивавших их броню. Несмотря на это, французские танки отступили.

2-й батальон открыл огонь по отходившим вражеским колоннам и взял немало пленных. На аэродроме были захвачены 6 исправных самолетов. Вокзал мы заняли, а отходящий поезд остановили, а несколько паровозов расстреляли. Вместо нас здесь расположился 36-й танковый полк, а мы продолжили движение на юг.

Перед нами справа и слева отходили неприятельские колонны. Мы вступали с ними в бой, захватили сотни пленных. Только в Сен-Труа один легкий взвод нашего полка взял 500 пленных. Но французы также продолжали и обороняться. Не было ни одной деревни, откуда по нас не открыли бы огонь. Был взят Барбон-Файель. К тому моменту было уже 18:30. Затем поступил приказ: «Полк выдвигается к Сене, берет мост в Марсийи и захватывает плацдарм в районе Ромийи-сюр-Сен».

С этого времени мы больше не отвлекались на неприятельские колонны, хотя они стреляли, когда мы продвигались мимо. Перед нашим взором была одна цель: Сена!

Путь был долог, и уже наступил вечер. У Марсийи против нас встали французские пехотные цепи. Когда мы открыли ответный огонь, они побросали оружие и продолжили движение в прежнем направлении.

Когда мы в 22:00 вошли в Марсийи, все изменилось. В нас стреляли из домов, с крыш, из подвалов. Слышалось медленное стрекотание французских пулеметов. Наши 75-мм орудия танков Pz IV помогли установить относительную тишину. Но огонь открывали снова и снова. 2-й батальон медленно пробивался к мосту. Перед ним и на нем стояли заграждения. Наступить можно было только черепашьим шагом. Противотанковые и отдельные полевые орудия стреляли в нас с противоположного берега реки. Положение сложилось не из веселых. Невозможно было получить представление об общей картине. Чтобы во всем разобраться, батальонный адъютант, обер-лейтенант Мальгут, пошел вперед пешком. Полковой адъютант, обер-лейтенант Гудериан, сделал то же самое. Нам удалось вывести на позицию несколько боевых машин, чтобы обеспечить огневое прикрытие.

Наши саперные и разведывательные взводы вышли вперед. Они закрепились в домах и вступили в бой с неприятелем у дальнего конца моста. Затем трое наших саперов вместе с лейтенантом Штоффом отважно бросились вперед по мосту. Они обнаружили, что все уже подготовлено для подрыва, только не уложен детонационный шнур.

Обер-лейтенант Мальгут и обер-лейтенант Гудериан шли за саперами в их прорыве на мост. Гудериан немедленно прыгнул в окоп, где находилось много французских солдат. Ситу-

ация для него складывалась критическая, но ручная граната дала ему время на передышку. После короткой ожесточенной схватки на мосту уцелевшие французы сдались. Обер-лейтенант Мальгут уже ехал по мосту со своими танками, за ним следовали другие.

Невзирая на упорное сопротивление врага, танковая рота Лекшата во главе с батальонным адъютантом продолжила наступление на Ромийи-сюр-Сен. За ними последовали остатки 2-го батальона, и они вступили в бой на опушке леса, откуда велся мощный огонь. В то же время лейтенант Кале и несколько солдат с пистолетами и ручными гранатами зачистили от противника дальний край моста. После этого 1-й батальон зачистил весь район и удерживал деревню до подхода основных сил.

В это время 2-й батальон продвинулся вперед по болотистой местности вплоть до Ромийи. Ему в руки попала новенькая колонна техники с оборудованием для наведения мостов. Тяжелое 280-мм орудие было еще одним военным трофеем. Леса буквально кишели неприятелем. Когда наши танки проходили мимо, их обстреливали. На перекрестке батальон врезался в середину вражеской колонны, которую мы быстро вывели из боя. Затем мы вышли к городу. Два моста на окраинах города наши войска захватили в целости и сохранности. Застигнутых врасплох французских солдат мы брали в плен. Если при них было оружие, то они оказывали сопротивление прямо на улице.

Батальон вышел на рыночную площадь. Полковой и батальонный штабы остались там же. По мере того как подразделения 2-го батальона и полкового легкого взвода очищали Ромийи-сюр-Сен, число пленных, собранных на рыночной площади, продолжало расти. Стремительная 5-я рота в сопровождении обер-лейтенанта Мальгута пронеслась по городу и в соседнем застроенном районе разметала еще одну повстречавшуюся на ее пути французскую колонну.

И только после полуночи весь полк сосредоточился в Ромийи-сюр-Сен. Плацдарм на Сене был захвачен. Хотя полк провел на марше 36 часов, большинству танкистов надо было организовывать оборону, чтобы закрепить успех. На аэродроме мы захватили 33 самолета, в том числе 7 тяжелых бомбардировщиков. Поезда, отправлявшиеся с железнодорожной станции, были задержаны. Наши солдаты постоянно приводили все новых и новых пленных. Отправлявшиеся эшелоны, полные французских солдат, остановились. Пассажирам мы любезно улыбнулись.

Утром нас сменили другие части дивизии, и мы получили возможность отдохнуть. 14 июня 2-я рота также захватила мост через Сену в Саваже, взяв множество пленных. 2-й батальон выдвинулся в направлении деревень Мезьер и Шартр. Тяжелые бои разгорелись у Мезьера. Легкий взвод оказал там поддержку 8-й роте. На сборном пункте собрали тысячи пленных.

К полудню все операции, большая часть которых предпринималась по нашей собственной инициативе, были завершены. Сопротивление противника в данном районе было сломлено одним ударом.

Середина дня прошла спокойно. Оба батальона расквартировались в деревнях к востоку от Ромийи-сюр-Сен. Все предвкушали тихую, безмятежную ночь, которая позволит выспаться после двух проведенных без сна ночей. Но ложный доклад двух испуганных саперов вынудил задействовать легкий взвод и поднять по тревоге 2-ю роту. Следов неприятеля мы не обнаружили, за исключением 80 французов, которые собирались сдать.

Утром 15 июня нам приказали в 15:00 снова наступать на юг. Но до этого 2-му батальону пришлось отражать отчаянную попытку прорыва французов в Ла-Бель-Этуаль. Саперы, которых там задействовало наше командование, вынуждены были отступить. Стремительная контратака наших танков увенчалась успехом, но в результате попадания снаряда из противотанкового орудия один человек был убит и двое ранены.

В ходе наступления полк постоянно наталкивался на бесконечные колонны французов. Они по собственной инициативе бросали оружие и лишь спрашивали, какой дорогой идти сда-

ваться в плен. Некоторые смотрели на нас равнодушно; иные дружески приветствовали. Многие из них были пьяны. Вдоль дороги стояли армейские машины всех видов и артиллерийские орудия, повсюду валялась военная форма. Ситуация была такова, что командиры наших подразделений и частей без опасений ехали впереди своих формирований в «кюбелях»⁶. Гражданское население вело себя спокойно; иногда нам даже улыбались.

Мы двигались вперед до тех пор, пока у нас не закончилось топливо. Мы вышли в район Шабли. Мы планировали заправиться на перекрестке. Неожиданно нас обстреляли из леса. Лейтенант Гердтель, фельдфебель Яннек и фельдфебель Древис из полкового штаба отправились в лес и потребовали от французов сдаться. Они разоружили 40 человек. Затем застрочил французский пулемет, и пленные побежали. Двое унтер-офицеров были ранены и остались лежать в поле. Гердтель вернулся, чтобы на танках эвакуировать раненых. Было уже 22:00. Быстро обдумав создавшееся положение, обер-лейтенант Мальгут выехал вперед на своем Pz II. Его танк сопровождал пулеметный танк Pz I. В лесу он быстро подавил огонь пулемета и призвал французов сдаваться во избежание дальнейшего кровопролития. После чего Мальгуту выстрелили в голову сзади. Обер-лейтенант Кёнигштайн, шедший с ним, подхватил его. Мальгут умер у него на руках. Это напоминало кошмарный сон – один из лучших офицеров полка убит в такой день и при таких обстоятельствах. Мы взяли его тело с собой и на следующий день похоронили в парке в Бро.

Наше наступление продолжилось и ночью, пока мы не достигли окраин Невера⁷. Неприятеля почти не было видно. Много пленных были взяты из подбитых грузовиков. На въезде в город уничтожили пулемет. В городе мы были в 3:00. Остаток ночи мы провели в наших машинах, изрядно страдая от холода.

В 8:00, заправившись, мы снова двинулись в путь. Мы ехали по прекрасной сельской местности. Но если в Германии обрабатывался любой клочок почвы, то здесь виднелись широкие полосы залежных земель, а в каждой деревне – развалившиеся убогие дома.

Неприятель не оказывал сопротивления. Где бы мы ни встретили французских солдат, они сдавались без боя. Многие удивленные гражданские принимали нас за англичан, не в силах представить себе, что немцы могут быть в таком глубоком тылу. Двигаясь на высокой скорости, лейтенант фон Гердтель, шедший впереди своего батальона, наткнулся на два французских танка. Слегка поломав комедию, ему удалось захватить их, даже несмотря на то, что деревня была полна французских солдат. В дополнение к этому он взял в плен французского полковника и его адъютанта.

Следующая деревня также кишела французскими солдатами. Лейтенант фон Гердтель ехал впереди нашей колонны на штабной машине гражданского типа, сопровождаемый мотоциклистами и передовыми танками. Он въехал прямо в середину неприятельской колонны из оснащенных пулеметами бронемашин и транспортных средств всех возможных разновидностей. К несчастью, среди них также находились автомобили беженцев. Разгорелся короткий жаркий бой. Но враг был настолько обескуражен нашим появлением, что не смог оказать организованного сопротивления. Пулеметы, установленные на позициях, были захвачены нашими танками. Затем танки под командованием капитана фон Юнгенфельда и обер-лейтенанта Гудериана проследовали вдоль колонны на север, подавляя неприятеля, продолжавшего вести огонь из-за кустов. В плен было захвачено множество французов, лежавших у дороги и притворявшихся мертвыми.

– Бросай оружие! Руки вверх! Иди туда! – кричали им по-французски.

⁶ «Кюбель» – четвертьтонный автомобиль общего назначения повышенной проходимости, был массовой штабной машиной вермахта. (Примеч. пер.)

⁷ Очевидно, автор напутал в записях – Невер в стороне. (Примеч. ред.)

Это были те крохи необходимого в подобных случаях французского языка, сидевшие в голове каждого немецкого солдата. Между боями плачущие матери-беженки вытаскивали детей из машин и брали на руки. За час было захвачено около 1000 пленных и 100 транспортных средств. Все равно их никто не считал. Пленных отправляли в тыл без всякой охраны. Если кто-то и бежал, то это не имело никакого значения. Главное – не останавливаться надолго!

И путь наших войск пролегал через прекрасную старинную крепость Семюр-ан-Осца. На восточных окраинах нам встретилась кавалерийская колонна. Солдаты смотрели на нас с удивлением. Никто не обратил на них внимания. Нас не заинтересовали несколько запряженных лошадьми повозок. Не потревоженные никем, кавалеристы продолжили кормить своих животных.

Впереди опять раздалась стрельба. Где-то застрочил французский пулемет. В Масене дорогу нам перекрыли заграждения. С кавалерийскими частями мы справились быстро. Танки обошли застроенный район слева. Мы выскочили на перекресток к югу от Масена и натолкнулись на еще одну длинную неприятельскую колонну. Вражеские солдаты открыли беспорядочный огонь. Затем несколько наших солдат были вынуждены выйти из машин, чтобы проверить множество французов, которые лежали, притворяясь мертвыми, в придорожных канавах, и вернуть их к жизни. Мы двинулись дальше вперед, а еще 200 пленных отправились в тыл.

Находясь в «кюбеле», не можешь чувствовать спокойствия. С ближайшей опушки вновь донеслась стрельба. Повсюду стояли брошенные французские машины. В каждой деревне были сооружены по большей части примитивные баррикады, которые защищались пехотными цепями того же рода, который уже описывался ранее. Мы не слишком обращали на них внимание. Мы устали, очень устали. Некоторые из наших танков требовали ремонта. Мы достигли цели дня – Бро, – а затем с 16:00 до 17:00 весь полк расквартировался там. Нам разрешили отдохнуть до 7:00 утра. После ежедневных переходов по 100 и более километров танковая мощь полка составляла 40–60 машин. Но мы все знали о настоятельной необходимости отрезать неприятеля на линии Мажино. Это означало: вперед, все время вперед, даже если под конец в полку останутся одни грузовики.

На следующий день казалось, что линии обороны неприятеля прорваны. Противник больше не мог оказать существенного сопротивления. Моторизованная пехота ушла вперед; танковая бригада следовала за ней. Начиная с этого момента марш превратился в увеселительную поездку по прекрасной Франции. Солдаты говорили об этом так: «На крупповском спортивном автомобиле по Бургундии к Средиземному морю»⁸.

Продуктовыми пайками нас также снабжали исправно. Качество было выше всяческих похвал. Повсюду нам оставалось позаботиться только о бутылочке вина прямо от изготовителя: помар, божоле, макон и прочие. Вишни и персики созрели. Шоколад каждый день давали вместе с пайками.

По радио сообщили о ратном подвиге, совершенном обер-лейтенантом Мальгутом на Сене. Также передали о захвате 39 самолетов. Мы слышали заявление маршала Петена о том, что французская армия на грани краха.

Мы двигались маршем по прекрасной горной сельской местности и великолепным долинам. Все подгоняло нас вперед. Не было обычных препятствий войны и дорожных пробок. Поздно вечером мы вышли к Дижону.

Мы увидели этот приветливый город 18 июня. В полдень мы вошли в его восточное предместье.

19 июня нам предоставили день отдыха. Он пошел на пользу и нам, и танкам.

⁸ Танкисты называли танк Pz I «крупповским спортивным автомобилем», поскольку он изготавливался известным оружейным концерном и был немногим больше спортивного автомобиля. (Примеч. ред.)

В долине Роны

20 июня марш на юг по землям прекрасной Бургундии с отличными дорогами без заторов продолжился. Мы ехали параллельно горам до самого города Шалон-сюр-Марн. Это великолепный плодородный край. Вдоль дорог тянулись виноградники. Мы любовались широкой и живописной долиной Соны. Местность напоминала нам долину Майна. Лишь люди и несхожая архитектура говорили нам о том, что мы не в Германии.

21 и 22 июня мы катили по магистралям вниз вдоль Соны через Турню и Макон. Затем въехали в крупный город Лион, пересекли мост через Рону и расквартировались на южных окраинах. Город был вписан в пейзаж очень красиво. Черные, крашенные сажей дома южной архитектуры. Гражданские тоже выглядели непривычнее по мере того, как мы все дальше продвигались на юг. Там с одной стороны из долины Роны поднимались зеленые хребты – это были горы Севенны; с другой стороны (с востока и юго-востока) нас издали приветствовали покрытые снегом и ледниками вершины Альп⁹.

Переговоры о перемирии начались. Но по-прежнему оставалось крайне важным и дальше оказывать определенное давление на противника, чтобы лишить его надежды на организацию сопротивления в Альпах. Также было необходимо совершить трудное наступление по высокогорью в тыл французской альпийской общевойсковой армии, чтобы облегчить положение итальянцев¹⁰. Поскольку горная местность не позволяла применить танки, на этот раз мы не были задействованы на линии фронта.

23 июня мы вышли в 17:00. Через Вьен мы прошли 60 километров на юг до Сен-Валье. Полк был расквартирован здесь утром 25 июня и оставался до 26 июня.

Перемирие

Прекращение огня вступило в силу с 1:35 25 июня. С этого момента французская артиллерия и пехота открывали огонь крайне редко. Никому не хотелось умирать смертью храбрых в конце военной кампании. Дорожный знак указывал на юг: «Марсель, 196 километров». Несмотря на установившуюся тогда дождливую погоду, глубоко врезающаяся в горы долина Роны с ее кажущимися бесконечными зарослями виноградников, широкой рекой, живописными деревнями и городами производила впечатление великолепной театральной декорации. Местное население было несказанно доброжелательно, особенно после прекращения огня. Казалось, с их плеч свалилось огромное бремя.

Военная кампания закончилась. Продолжится ли война? Когда и где? В то время мы этого не знали.

Полк развернулся. Мы возвращались на север, как будто в мирное время.

В ходе Западной кампании полк потерял 59 человек убитыми и 109 ранеными.

⁹ Имеет место географическая путаница. Из Лиона автор мог видеть подступающие к долине Роны «зеленые хребты» гор Виваре (высоты до 1754 м), восточного края Центрального массива. Севенны (высоты до 1703 м), юго-восточный край Центрального массива, подступают к долине Роны с запада южнее гор Виваре. (*Примеч. ред.*)

¹⁰ В это время итальянцы, напав 10 июня на Францию силами 32 дивизий, оказались в тяжелом положении, будучи побитыми 6 французскими дивизиями французской Альпийской армии, защищавшей франко-итальянскую границу. (*Примеч. ред.*)

Жамблу

Личные воспоминания Германа Хосса, лейтенанта и офицера связи танковой бригады

15 мая. Серое утро. Наступление на укрепленную позицию Диль было назначено на сегодня. Накануне вечером мощная артиллерия крепости неожиданно обстреливала нас из небольших «птичьих гнезд» Бодесе. Досталось даже командующему бригадой. Мы провели ночь на дефиле к северу от деревни. В это время радиосвязь заменили наземными линиями. Экипажи спали; утром они должны были быть свежи и готовы к бою. Спали они в наспех вырытых вдоль дефиле землянках или под танками. Артиллерийский огонь им не мешал. Более того, нам повезло – ни один артиллерийский снаряд не попал на землю дефиле. Но за нами, на шоссе, рвались снаряд за снарядом. Взметаемая в небо пыль едва ли не долетала до нас. Сверху падали мелкие камни и земля.

Поступил приказ начать наступление. Район сосредоточения под неприятельским огнем. Танки двинулись. Люки закрылись; воцарилось радиомолчание. Дивизия пошла в направлении главной цели атаки. Полки доложили о своем выдвигании. Легкий взвод получал приказы по радио. Полки тотчас вошли в соприкосновение с противником. Сообщение за сообщением, доклад за докладом – непрерывно. Мимо нас проехали артиллерийские наблюдатели, бронемашин пехоты, саперные и противотанковые подразделения танковых войск.

Пехота покинула свои машины, которые отогнали на замаскированные позиции. Начался бой. Командир занял место на «троне» в головном танке. Он был в своей стихии. В правой руке сигара. В левой – карта, бланки донесений, доклады и радиограммы. Мы продвинулись до Жамблу и уже подходили к газовой станции. Населенный пункт обстреливался нашими подразделениями. Неприятеля нигде не было видно. Откуда-то сверху застрочили французские пулеметы, заставив нашу пехоту залечь. Мы систематически обстреливали каждый дом. Никакого результата. Обороняющиеся были упрямы. Они без остановки вели огонь по нашим наступающим пехотинцам. Но вот мы наконец сблизились с неприятелем. Самое главное, что теперь мы могли его видеть. Французы находились в 20 метрах перед нами, мастерски скрытые кустами и зеленью живых изгородей на окраине деревни.

Наши пулеметы посылали во врага очередь за очередью. В кустах воцарилась тишина. Но мы вынуждены были прийти на помощь соседям справа. Легкий взвод потерял с нами визуальный контакт. Мы отозвали его назад по радио. Затем мы двинулись по окраине деревни. Улица неожиданно преподнесла нам сюрприз. Она обстреливалась сильным артиллерийским огнем: дым и гарь, пыль и грязь закрывали нам обзор. Несмотря на это, мы продвигались по улице, поскольку там становились невидимы для противотанковых орудий. Продвигались мы медленно, между очередными разрывами артиллерийских снарядов. Шрапнель дождем била по броне машины; грохот стоял страшный. Неожиданно прямо перед нами разорвался тяжелый снаряд. Нас дернуло в сторону и слегка подбросило, затем танк со скрежетом вновь опустился на гусеницы. Система внутренней связи вышла из строя. Мы сорвали с себя наушники и микрофоны. Лишь радист остался за своим передатчиком, поскольку радиосвязь от взрыва не пострадала. Толчок в бок вновь стал лучшим средством общения. Вокруг нас рушились строения и медленно оседали стены. Балки и обломки каменных стен валились под гусеницы. Казалось, будто мы ползем по этой деревенской улице вечно, тогда как на самом деле это продолжалось всего несколько минут. Под прикрытием одного из домов мы остановились.

Сориентировавшись, мы поняли, что вышли на противоположный конец Жамблу. Вдалеке мы увидели солнце над Эрнажем.

В соответствии с радиограммой из дивизии, именно тут оказалась наша боевая цель. Неподалеку проходила железнодорожная линия. Она и стала основой обороны противника, использовавшего все преимущества рельефа местности. Танки по-прежнему стояли перед ней,

не в силах найти место для переезда. Мы осмотрели местность, чтобы составить о ней представление. Нам хорошо была видна железнодорожная линия, которая сначала шла по глубокой выемке, а затем по высокой гравиевой насыпи. Мы видели также полого поднимающиеся зеленые поля, над которыми стелилась легкая дымка. Наблюдалось также возвышение в 200 метрах за насыпью, на котором одиноким часовым возвышался каменный крест. Где же могли находиться неприятельские противотанковые орудия?

Мы без проблем приблизились к насыпи и скрылись за ее скатом. За нами последовало еще несколько танков. Затем подошли и другие боевые машины. Командир приказал фельдфебелю Капичке на танке возвращаться за пехотой, которая могла помочь нам отыскать позиции вражеских противотанковых орудий. Противотанковая пушка противника находилась не более чем в 100 метрах от нас, в складках местности, и не позволяла нам перебраться через насыпь. Коричневые пятна на зеленых полях – это, должно быть, пехота. Мы доложили в штаб дивизии о создавшейся здесь обстановке. Вернулся фельдфебель Капичке с первыми пехотинцами. Полковник Брайт коротко доложил лейтенанту пехоты обстановку и обозначил его задачу. После этого пехота занялась подавлением очагов вражеского сопротивления, двигаясь вдоль кювета железнодорожного полотна. Наши танки обеспечивали ей огневое прикрытие. Отважная пехота задала противнику жару. Затем к окопам приблизились наши солдаты. Неожиданно высоко поднялась рука с белым платком. Потом из траншей вылезли французы – человек двадцать или тридцать, – затем еще. Среди них были марокканцы.

После этого пришло время уничтожить неприятельские противотанковые орудия. Фельдфебель Капичке пошел в атаку впереди пехоты, самоотверженно старавшейся прорвать оборону противника.

В это время по неприятелю открыли огонь подошедшие пехотные орудия и танки. Затем командир воспользовался возможностью развить наступление. Его танк сопровождал танк Pz II фельдфебеля Баркова из легкого взвода. Оба танка подошли к насыпи и стали взбираться по ней. Траки гусениц танков взметали гравий, гремели по рельсам и тяжело оседали на шпалы. Не раздалось ни единого выстрела. Затем мы взяли курс на каменный крест. Удастся ли нам благополучно добраться до него?

Наши нервы были напряжены до предела. Внезапно мы почувствовали сильнейший удар в башню машины слева. Нас бросило друг на друга. Мы переглянулись. Снаряд не пробил броню. Затем последовало еще одно убийственное попадание почти в то же самое место. Вражеское противотанковое орудие находилось на дальности прямого выстрела! Снаряды попросту рикошетили. Противотанковое орудие – невидимое, а потому всесильное – прикончит нас, если мы не уберемся восвояси. Танк пополз назад по насыпи – мы все еще приходили в себя от мощных ударов по броне. Затем перевалили через рельсовый путь и спустились по гравиевому уклону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.